

Юрий Пыльнев

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ЛИСТАЯ

(Главы из книги
«История народного образования Воронежского края»)

ХРАНИТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ

История образования многие годы увлекла к себе интерес Юрия Валентиновича Пыльнева (*в настоящее время — заслуженный работник культуры РФ, кандидат исторических наук, доцент, профессор ВОИПКУПРО, автор около 200 научных работ по истории образования*) не только как профессионального историка, но и просто как человека, стремящегося передать богатство этой истории и нынешним, и будущим поколениям. Поэтому он взялся за поистине титанический труд: проследить, скрупулезно изучить и донести до читателя то, как развивалась в Воронежском крае система образования на протяжении более чем двух веков — с возникновения первых очагов знания до наших дней. На основе этих исследований была написана и в 2012 году вышла в свет его монография «История народного образования Воронежского края. Конец XVII — начало XX века». На сегодня более полного и систематизированного труда в этой сфере, пожалуй, нет. Ученый продолжает свои исследования, и есть надежда, что мы прочитаем еще немало интересных и увлекательных страниц из истории ре-

гионального образования уже на современном этапе.

Необходимо сказать также и о другом детище педагога-историка — о Музее истории развития образования Воронежской области. То, что в Воронеже находится один из лучших в России музеев образования, в котором научно обоснованно и подробно представлена история просвещения региона, — в огромной степени заслуга Ю.В. Пыльнева. Он стоял у истоков его создания, разрабатывал концепцию, реализовывал ее с помощью коллег при заинтересованном участии областной власти. На сегодня уникальность этой музейной экспозиции очевидна и бесспорна. Она подтверждена профессионалами музейного дела, видными историками, известными краеведами. Педагоги как никто другой осознают, что нет цивилизованного общества без исторического знания, а исторического знания без музеев. Именно они помогают человечеству понять через прошедшее день сегодняшний — и даже заглянуть в завтрашний. Представленные в залах исторические экспонаты и раритеты прослеживают судьбу основных школьных реформ Российс-

кой империи, СССР, Российской Федерации, знаковых событий в истории образования, демонстрируют воплощение их в жизнь на территории Воронежского края. Сегодня в музее проводятся занятия в рамках учебного плана Воронежского института развития образования, экскурсии на любую тему по истории общего, педагогического, профессионально-технического, других видов образования. Бесценна научная и методическая роль музея, его культурная и просветительская деятельность в среде воронежских педагогов, студентов, школьников и их родителей.

Работа по созданию музея началась в непростое для страны и общества время — еще в 1992 году.

Именно тогда это и было поручено сделать Ю.В. Пыльневу. Ему удалось найти поддержку у местных краеведов, историков, музейных работников, творческой интеллигенции. 24 мая 1995 г. состоялось торжественное открытие Музея истории народного образования Воронежской области. Он разместился на первом этаже ВОИПКиПРО в четырех комнатах. Одними из первых посетителей музея стали руководители области и, конечно же, учителя.

В 1996 году на базе музея было организовано государственное учреждение просвещения «Воронежский областной центр (музей) истории народного образования». В 2003 году музей перевели в другое помещение, где началось создание новой, более обширной экспозиции. В 2008 году состоялось открытие фактически нового музея. Экспозиции располагались в шести просторных залах, где можно было ознакомиться с историей воронежской школы и педагогического образования.

И в наименовании, и в организационно-правовом статусе музей реформатировался неоднократно. С 2016 года он называется Музеем истории развития образования Воронежской области, является учебным, научно-исследовательским и культурно-просветительским структурным подразделением Воронежского института развития образования (ВИРО), осуществляет изучение, хранение и науч-

Юрий Валентинович Пыльнев

ное обоснование памятников материальной и духовной культуры, связанных с историей просвещения, школьного и педагогического образования Воронежской края и России.

Экспозиция размещается в шести залах общей площадью 400 квадратных метров и насчитывает более двух тысяч экспонатов, в основном подлинных. Здесь представлена история воронежской школы (конец XVII — нач. XXI века), педагогического, профессионально-технического, духовного, военного образования (XIX–XX вв.). Музей располагает богатой коллекцией предметов школьного быта, ученической, пионерской формы, форменной одежды военно-учебных заведений и других образовательных структур, учебников, приборов, документов, фотографий. На базе экспозиций и фондовых коллекций ведется массовая научно-просветительская работа, оказывается методическая и практическая помощь руководителям школьных музеев Воронежской области. И бесценно всем этим хозяйством руководит ученый, историк, педагог Юрий Валентинович Пыльнев.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГРАМОТНОСТИ В ВОРОНЕЖСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XVII — НАЧ. XVIII В. ПЕРВЫЕ УПОМИНАНИЯ О ШКОЛАХ

К концу XVII в. Россия достигла значительного уровня экономического и культурного развития. Хотя это было время господства крепостного права, в стране наблюдается определенный подъем сельского хозяйства, города становятся центрами ремесла и торговли, что способствует усилению политической централизации и распространению просвещения.

После воссоединения с Московским государством части украинских и белорусских земель на Руси усиливается влияние юго-западного просвещения. По приглашению царя Алексея Михайловича в московские монастыри приезжают питомцы Киевской академии, которые оказывают помощь в организации систематического школьного обучения русского духовенства, открывают школы.

Эти процессы характерны и для Воронежского края, где в XVII в. началось сравнительно быстрое заселение и освоение свободных земель. Строительство городов вызвало приток переселенцев из других мест России, а также Украины. Они приносили с собой местные говоры, обычаи и нравы, песни, сказки, прикладное искусство. Наблюдается процесс переплетения русской и украинской культур. Слободские украинские казаки получают привилегии и преимущества: например, беспошлинно торговать, владеть всякими угодьями, ловить рыбу, делать вино. В селениях этих свободных людей в конце XVII в. возникают школы грамоты.

Воронеж того времени играл ведущую роль в культуре региона и, конечно, влиял на культуру городов и населенных пунктов своего уезда. Здесь появляется светская литература, осваивается письменность. И хотя основная масса населения оставалась «темной», количество грамотных людей постепенно возрастает.

Сохранилось немало документов, свидетельствующих о том, что между Воронежем и другими городами, в частности, Москвой, велась переписка по самым разным вопросам.

В XVII в. в «съезжей избе» или «приказной избе» воронежского воеводы служили грамотные люди — дьяки, подьячие, толмачи. Они писали и переписывали официальные бумаги, вели их учет и хранение. Подьячие являлись государственными служащими, чиновниками. Они получали «царево жалование» или «кормились от дел». В Воронеже в течение этого века число подьячих увеличилось с 2 до 15¹.

В городах появились «площадные подьячие», которые за определенную плату составляли челобитные и другие документы. Были они и в Воронеже. Так, в документе от 1 апреля 1675 года читаем: «А на то послух (свидетель. — Ю.П.) Осип Сергеев, а поручною запись писал воронежец Климка Иванов. Лета 7183-го году, апреля в 1 дни»². В другом документе за май того же года говорится: «То моя и скаска, а скаску писал по ево, Степанову, велению воронежец Лучка Иванов»³. Как видим, подписаны эти документы не должностными лицами, а просто жителями Воронежа, которые и являлись «площадными подьячими» города.

Но большинство воронежцев были неграмотными, поэтому по их просьбе бумаги подписывали другие люди, умеющие писать. В документе за 1697 год читаем: «К сей сказки воронежец Гришка Толмачев вместа Ивана Чернышева по его велению руку приложил»⁴.

Известный исследователь воронежской истории XVII в. В.Н. Глазьев установил, что в сохранившихся архивных документах первой трети XVII в. (Воронеж и Воронежский уезд) стоят подписи 58 человек. Во второй трети их насчитывается 149, в последней трети — 195. Сопоставив эти цифры с общей численностью населения города и уезда (примерно 15–20 тыс. человек), В. Глазьев определил, что количество грамотных в Воронеже и уезде составляло не более 1–1,5%. Но здесь нельзя говорить

об общей грамотности указанного населения. Ведь в школах московской Руси учили только читать и очень редко писать. Исследуя этот вопрос, воронежский историк опирался на документы, где имелись подписи тех или иных лиц. А выявить статистику воронежцев, умеющих в XVII веке читать, конечно, не представляется возможным, хотя таких людей было довольно много.

Умеющих писать крестьян В. Глазьеву установить не удалось. Среди мелких служилых людей (казаков, стрельцов, пушкарей) их тоже практически не было. Гораздо больше грамотных (умеющих писать) насчитывалось среди воронежских дворян и детей боярских. На административные должности также назначали людей образованных. Например, все известные нам воронежские губные старосты (14 имен) умели писать. Среди посадских людей, занимающихся торговлей и промыслами, также встречаются грамотные жители.

В основном, было грамотным духовенство. В первую очередь, это приходские священники. «Окладные книги» (1676) Рязанской митрополии, куда в церковном отношении входил Воронежский уезд, содержат подписи почти всех священников. Грамотными были игумены, строители монастырей, многие монахи⁵.

В это время в Московском государстве появляются «мастера грамоты» — частные учителя, обучавшие детей за плату, а также элементарные школы грамоты, в которых было, как правило, до 10 учеников. Здесь учили читать, реже писать и, возможно, элементарному счету, т.к. арифметика в конце XVII — нач. XVIII вв. для абсолютного большинства русских людей была наукой невиданной. Известный церковный и общественный деятель того времени, ученый и педагог Феофан Прокопович в «Слове на похвалу... памяти Петра Великого» писал: «Что же рещи о арифметике, геометрии и прочих математических искусствах... Тыя прежде были ли? Не ведаю, во всем государстве был ли хотя один цирлик, протчаго орудия и имен не слыхано, а если бы где некое явилося арифметическое или геометрическое действие, то тогда волшебством нарицано», т.е. прежде математическое учение на Руси считалось колдовством⁶.

Сохранились упоминания о «мастерах грамоты» в Воронежском уезде. В 1679 году сын воронежца Якова Паренаго Евсейка сообщал, что был в Усмани у подъячего Ивана Неудачина «для письменного научения».

Сын священника из Нижегородского уезда Ефим Реутов, спасаясь от голода, в 1666 г. ушел в Тамбов, а затем перебрался в Воронеж, где кормился обучением письму и грамоте местных ребятишек⁷.

Распространение грамотности дало возможность мастерам требовать плату за преподавание. Поскольку учительское занятие стало приносить выгоду, за него стали браться не только священнослужители, но и обычные грамотеи. За учение они брали «рядную плату», т.е. заранее оговоренную цену. Она была отдельной за изучение Псалтыри, Часослова и т.д. Плата могла быть деньгами и натурой в виде каши, магарычей, подарков.

Начавшаяся в XVII в. церковная реформа предполагала исправление ошибок в обрядах и богослужении, правку религиозных книг. В результате произошел раскол не только в православии, но и обществе. Желание принять участие в богословских спорах и диспутах, доказать правоту религиозных взглядов породило стремление овладеть грамотой, научиться писать. Умственная жизнь на Руси пришла в движение. После раскола старообрядческие общины продолжали жить по старым традициям, обучая детей в своих училищах и дома по старым церковным книгам. В общинах почти все мужское население было грамотным.

Начинает распространяться арабская нумерация, появляется большое число рукописных «азбуковников». Это были своеобразные сборники энциклопедического характера и вместе с тем пособия для обучения грамматике, истории, географии и пр. Научившись читать и писать, зажиточный молодой человек XVII в. мог расширить свой кругозор, изучая «азбуковники». Но подобные книги были доступны только для детей высших социальных слоев населения.

Начинают широко издаваться русские печатные буквари (азбуки). В 1634 г. в Москве вышел букварь Бурцева, переизданный в 1637 и 1698 гг. В конце XVII в. издан первый иллюстрированный букварь Кариона Истомина.

В середине XVII в. в Московском печатном дворе азбука издавалась, в течение четырех лет, трижды (1647–1651) в количестве 9600 экземпляров, учебный Часослов — в течение семи лет (1645–1652) восемь раз; учебная псалтирь — в течение шести лет (1645–1651) девять раз. В это же время множество грамматик, псалтирей, азбук приходило на Русь из братских типографий Западной Руси.^{8*}

Приобретали подобные азбуки и в Воронеже. В приходно-расходной книге Воронежского архиерейского дома 16 мая 1700 г. сделана запись: «Да куплена азбука учебная, дано 6 денег»⁹.

Певчие архиерейского хора в Воронеже были образованными людьми. Их обучали музыке, письму, пению и, по некоторым сведениям, арифметике¹⁰. Певчие находились на казенном обеспечении. Они получали полугодовое денежное и хлебное жалование. В документе за 1702 г. упоминается певчий «Дому архиерейского» подьяк Симеон (Семен) Минин, который вскоре станет учителем «словесного учения» в открытой через год воронежской «русской школе».

Во времена правления первого воронежского архиерея, епископа Митрофана (1682–1703), в уезде открываются школы. Как уже было отмечено, находились они, в основном, в местах, обживаемых украинскими переселенцами. Преподавали в этих школах дьячки (псаломщики, пономари, чтецы, причетники), т.е. низшие чины церкви. Они также были из черкас (украинцев), потому что по сравнению с русскими эти люди являлись более образованными и знали не только русскую грамоту.

В документах того времени сказано: «...по селам черкасы занимаются обучением детей, заводят школы». Здесь упоминаются школы в селе Ендовище Воронежского уезда, в Острогожске при Богородицкой церкви, в Коротояке при Успенской церкви, в Черкасской слободе¹¹.

Сохранилась челобитная протопопа Иоанна из Землянска епископу Митрофану, датированная 1683 годом. В ней упоминается «землянец школьник дьячок Василий Ерофеев». Прозвище или уличное имя «школьник» означало профессиональную принадлежность дьячка Ерофеева, т.е. он был школьным учителем¹².

Существование элементарных школ на Руси XVII — нач. XVIII вв. всегда вызывало среди русских историков немало споров и разнополярных мнений. Одни отрицали их существование, другие утверждали, что школы были почти повсеместно.

Исследователь истории церковно-приходской школы в России С.И. Миропольский констатировал, что грамотность получила самое широкое распространение уже в XV в., а в XVII в. почти в каждом крупном селе или населенном пункте Руси имелась школа грамоты. «Церковно-приходская школа допетровская была не только повсеместною, но и всеобщею. Она была школой для всех — от простых крестьян до царского двора»¹³.

Русский историк П.Н. Милоков придерживался прямо противоположного взгляда. В известной работе «Очерки по истории русской культуры» он писал, что если в первой половине XVIII в. с открытием цифирных и архиерейских школ была как-то подготовлена почва для дальнейшего устройства средней школы, то о русской низшей школе нельзя сказать и этого. «Попытки Петра в этом направлении оказались совершенно бесплодными. Тот же новгородский архиерей Иов, который так много сделал для средней духовной школы в своей епархии, вот как обрисовывает эту попытку Петра — создать элементарную народную школу. По его словам, составители переписи 1710 г. «свя-

* Братства — национально-религиозные общественные объединения православных горожан Украины и Белоруссии (в составе Польско-Литовского государства), имевшие свои школы (братские школы) и свои типографии.

Экскурсия в музее

щенников неволя на всяком погосте строить школы и велят учить разным наукам, а чем школы строить и кому быть учителями, и каким наукам учеников учить, и по каким книгам учиться, и откуда пищу иметь и всякую школьную потребу приискать — того они, переписчики, определить не умеют, только говорят: “Впредь указ будет”. Такого указа Россия не дождалась при Петре и не могла дожидаться. Для народной школы, даже церковноприходской, какая тут, по-видимому, имеется в виду, при Петре ничего еще не было подготовлено: ни учителей, ни учебников, ни помещений, ни школьных пособий, ни средств, на которые можно было бы все это создать... Эти замечания Иова составляют лучший ответ исследователям, которые доказывают существование церковно-приходской школы в допетровское время¹⁴.

Тем не менее, такие школы были, и царь хорошо об этом знал. Так, генерал Ф.А. Головин в письме Петру I от 2 февраля 1703 г. просил отдать распоряжение адмиралу Ф.М. Апраксину о присылке из Воронежа «к четыремстам драгунам малолетним» дополнительно еще шестьсот. Также он передает просьбу адмирала Крюкса о том, чтобы вновь набранных драгун в корабельное учение не отдавать, «понеже суть малы и таких на корабле не примут», а «отдать малых ребят по деревням учить в школы». Здесь же Головин сообщает, что велено Крюксу отпустить в деревенские школы 30 человек «для обучения грамоте». Только потом они должны были идти служить на флот. В письме речь о сельских школах идет буднично, они упоминаются между прочим, как вполне обычное явление¹⁵.

Об одной из таких школ, существовавших в Воронежском уезде в нач. XVIII в., упоминается в «Материалах по истории Воронежской и соседних губерний», которые публиковал местный краевед Л.Б. Вейнберг. В 1886 г. в очередном сборнике он напечатал документ под названием «Челобитная школьного учителя села Ендовище Успенского дьячка Романа Прокофьева на священника этой же церкви Михаила в бою и брани». События, которые здесь описаны, датированы 1703 годом и рассказывают о потасовке между священниками. Но из документа также видно, что и учитель дьячок, и его ученики были черкасами, т.е. украинцами: «...ходил де он в том селе по приходским своим людям по черкаской своей обычности воспевать с выростки (подростками — Ю.П.)». Школа в Ендовище находилась в отдельном помещении, была с отдельным входом, подвалом и действовала не первый год¹⁶.

Процесс обучения в подобных школах был традиционным на протяжении целых веков — во всяком случае, XVI—XIX вв. В рукописной истории того же села Ендовище*, составленной священником Милоградским приблизительно в 1900 г., школьное обучение в недавнем прошлом описывается подробно: «До открытия настоящей школы [земской в 1881 г. — Ю.Л.] грамотность не только не была развита, но была даже презираема жителями. Учились грамоте только девочки, большие от природы, обреченные в чернички, в надежде снискать себе средства к пропитанию чтением псалтыря по покойникам, да как большая редкость — мальчики торговых жителей, отставных солдат. Обучением детей занимались псаломщики, отставные солдаты и чернички. Учили все означенные учителя одному — только славянскому чтению по славянской азбуке, Часослову и псалтыри, письмо и арифметике не обучали. Обучение велось тем способом, каким сами учителя достигли сей премудрости. Сначала проходила вся азбука с произношением: аз, буки, веди..., затем вторую зиму проходились склады: буки-аз — баба, веди-аз — вава и т.д. На третью зиму приступали к чтению по складам и т.д. Обучение шло медленно, и редко кто в состоянии был постигнуть всю мудрость затейливого способа обучения и проходить к учителю до конца третьей зимы. Меры к побуждению учения применялись очень строгие — розги, стояние на коленках, таскание за чуб и уши — были обычным явлением. Помещением для школьников служили редко топленые хаты, а больше — холодные клуни, как свободные от жилья, а то и сени. Ученики сидели одетые: кто на лавке, кто на скамье, а кто — на чурачке каком-либо. Распределялись ученики не по группам, а по книгам: к младшему разряду принадлежали азбучники, к среднему — Часословцы, к последнему — псалтырники. За обучение учителя получали муку, пшено, шерсть, овчины, поросят. Успехи в своих познаниях ученики прежде всего спешили проявить в храме — при чтении часов и кафизм. Раз достигнув возможности чтения часов и псалтири, они уже не расставались с книгою целую жизнь, и в свободное время от работ считали своей обязанностью что-нибудь прочесть из какой-либо божественной книги своей небогатой домашней библиотеки. На божнице, т.е. в шкафу переднего угла, или в сундучке старинного грамотея непременно имелись псалтирь, Евангелие, Часослов, акафист Спасителю, Божьей Матери, Св. Николаю, у более богатых — Библия, священная история и некоторые другие; читали они всегда вслух. Послушать их чтение собирались нередко соседи и родственники. Чтения иногда сменялись беседой и объяснением прочитанного или соответственно прочитанному какого-либо случая из своей жизни. К подобным лекторам народ относился с доверием и уважением. Они же слыли в народе законниками и сведущими людьми; себя же неграмотные называли темными и малопонимающими людьми»¹⁷.

Очевидно, что организация Ендовищенской школы второй половины XIX в., процесс обучения в ней, взаимоотношения учителя с учениками и их родителями полностью повторяют устройство русской школы XVII в.

Русские и советские исследователи дают различные оценки состоянию начального образования России в XVII — нач. XVIII вв. Но практически все они отмечают ее положительную динамику. Если судить об этом по развитию отечественной педагогической мысли, числу издаваемых букварей и азбук в целом по стране, то приводимые исследователями цифры и примеры впечатляют. Но если брать конкретные сведения по элементарным деревенским школам, а вся Россия той эпохи была, в основном, деревней, то отчетливо видно отсутствие какого-либо систематического образования. Сельские школы были временными и открывались только при желании отдельных родителей научить своих детей читать церковные книги, а для сельских дьячков-учи-

* В 1722 г. часть украинских казаков была переселена из сл. Ендовище на место близ р. Черная Калитва. В 1732 г. другая часть казаков выслана на р. Айдар. Украинского населения в слободе практически не осталось.

телей это было средство дополнительного заработка. Тем не менее, установился традиционный апробированный метод книжного учения, который по-своему способствовал повышению грамотности населения. Петр I видел образование государственным и профессиональным. Оно должно было служить интересам империи и в конечном счете укреплять армию и флот. Н.И. Костомаров писал, что царь не хотел ждать и развивать исторически сложившееся в стране просвещение, постепенно придавая ему черты европейского образования. Все должны были все видеть так, как видел он, менять все немедленно на западный манер. «Петр считал себя одного умнее всех русских людей. Он смотрел на народ как на ребятишек, которых следует взрослому учителю сечь, чтобы они учились». А русским людям, отмечает историк, «надобно было собственноручно «дозволять» просвещаться, а не принуждать их к просвещению насильем»¹⁸. На элементарную школу грамоты царь смотрел как на бесполезное дело в его высоких целях — а точнее, внимания не обращал.

Рассмотренный период воронежской истории характерен возникновением заметной тяги всех слоев населения (в первую очередь городского, посадского) к грамотности. Об этом, в частности, свидетельствует домашнее обучение и элементарные школы грамоты, получившие относительно широкое распространение в конце XVII в. Грамотность стала достоянием не только духовного сословия и знати, но и служилых людей, посадского населения. Даже среди крестьян стали появляться грамотные люди (старосты общин и целовальники — сборщики податей). Это элементарное образование строилось на православных и национальных традициях и по отношению к западноевропейскому просвещению было вполне самостоятельным. Оно сохранилось в виде «вольных крестьянских школ грамоты» до нач. XX века.

В целом школа XVII в. представляла собой переходную систему от древнего русского просвещения к новому, государственному, появление которого связано с именем Петра Первого.

ВОРОНЕЖСКАЯ-ТАВРОВСКАЯ АДМИРАЛТЕЙСКАЯ «РУССКАЯ ШКОЛА»

Российская школа, возникшая при Петре I, являлась государственным учреждением. Государство ее опекало, ставило перед ней государственные задачи. Время и обстановка наложили на русскую школу свой отпечаток, придали ей определенный характер. При Петре и его ближайших преемниках общество нуждалось преимущественно в элементарном образовании. С другой стороны, власти испытывали потребность в людях, получивших профессиональную подготовку. Они прилагали всевозможные усилия для отправки молодежи всех сословий в профессиональные школы, которые готовили бы ее к тем же профессиям, какими отцы и деды владели раньше. П.Н. Милюков писал об этом времени: «Общее образование само по себе мало ценилось как правительством, так и обществом. Вот почему правительство ограничилось на первых порах тем, что открыло ряд специальных школ для удовлетворения своих ближайших надобностей, а остальное предоставило времени и собственным усилиям общества»²⁵.

В 1696 г. город Воронеж стал базой второго Азовского похода. Здесь развернулось строительство первого российского военного флота. В Воронеж прибыл Петр I и принял личное участие в оснащении кораблей и комплектовании их экипажами.

В Воронеж приезжают иностранные мастера-кораблестроители: англичане, голландцы, немцы, итальянцы, французы. Они селятся к северу от Успенского монастыря, на берегу реки. Здесь образовалась так называемая Немецкая слобода, в которой резким контрастом с окружающим городом выделялись аккуратные домики, построенные в европейском стиле²⁶.

Но, приглашая иностранных мастеров, царь Петр стремился как можно быстрее

подготовить и своих, русских специалистов, мечтал «кратчайший и способнейший путь изобрести, чтобы завести науки и оных людей своих, елико мощно скорее обучити»²⁷.

Начал Петр I с себя и ближайших сподвижников. 9 марта 1697 г. он в составе Великого Посольства отправился из Москвы в Западную Европу изучать корабельное дело. В этом же году две группы молодых стольников (придворных чиновников) были направлены в Голландию, Англию и Италию для обучения кораблестроению и мореходным наукам.

Возвратившись в Россию к весне 1699 г., стольники прибыли в Воронеж, где были назначены на корабли, готовившиеся к Азовскому походу. Находившийся здесь Петр I деятельно занимается государственными делами. Он участвует в строительстве корабля «Предестинация», готовит российское посольство к отправке в Константинополь, ведет переговоры с посланником Дании Паулем Гейнсом.

25 апреля царь приказывает вице-адмиралу Крюксу произвести на корабле «экзерциции, сколько, на якоре стоя, то исполнить можно». Стольники, учившиеся морскому делу в иностранных государствах и определенные теперь на службу во флот, в присутствии Петра I и руководителей русского правительства показали неплохие навыки и сноровку в матросских упражнениях. Что касается теоретических знаний, умения управлять кораблем, командовать экипажем, то здесь ученики продемонстрировали свою полную несостоятельность.

Германский резидент Гваринт 3 июня 1699 г. доносил своему императору из Москвы: «Из числа 72 дворян, посланных для обучения в Италию и Германию, только четверо выдержали экзамен, сделанный им самим государем в Воронеже. Остальным 68 человекам предоставлено или вторично отправиться в чужие края и оставаться там до приобретения нужных сведений на свой счет, или возвратить выданные на поездку деньги»²⁸. Среди сдавших экзамен были князь Александр Голицын и корабельный мастер Федор Плещеев.

Практика посылки молодежи за границу для обучения продолжалась и в последующие годы. Но пользы от этого государству было мало. Например, князь Иван Львов жил за рубежом и обязан был наблюдать за учившимися там русскими. В одном из писем он просил не посылать более навигаторов (мореплавателей) в Англию «для того, что и старые научились там больше пить и деньги тратить. Не могу их оплатить, а ныне хотят уже в тюрьмы сажать за долги»²⁹.

Необходимо было наладить подготовку профессиональных кадров в своем отечестве, что и предпринял Петр I в скором времени. 14 января 1701 г. был издан указ об основании первой государственной школы в России: школы математических и навигацких наук — в Москве, в Сухаревой башне.

В школу набирались юноши — дети дворян и горожан в возрасте от 12 до 17-20 лет. Некоторые шли учиться добровольно, но многих отправляли заниматься «с принуждением».

Большинство поступавших в это учебное заведение были неграмотны. Поэтому тех, кто не умел читать и писать, определяли в первый, приготовительный класс. Их учили грамоте и письму, а класс называли «русской школой». Во втором классе обучали счету и началу арифметики. Он получил название «цифирной школы». Здесь завершали обучение дети низших сословий, которых определяли на службу учителями в новые школы, писарями, помощниками аптекарей, архитекторами, гражданскими чиновниками разных ведомств. Наиболее талантливые ученики из низших чинов попадали в следующий класс. В третьем, « навигацком классе» обучались, как правило, дети знати. Они учили алгебру, геометрию, тригонометрию (плоскую и сферическую) навигацию, морскую астрономию, географию (преимущественно математическую). Окончивших этот курс называли «навигаторами»³⁰.

Методика учебных занятий в этой школе не предусматривала работу со всем клас-

сом в одни и те же часы обучения. Поэтому время прохождения курса было удлиняемо. Наиболее способные ученики заканчивали учебу через 2-3 года, другие учились 4-5 лет³¹. В учебном заведении царила суровая дисциплина. За особые проступки солдаты били учеников плетью на школьном дворе. В частности, это были «плутости» — разбойные набеги на погреба и кладовые московских обывателей. За прогульные дни налагались огромные штрафы (Указ 1707 г.). Первый день отсутствия — 5 рублей, второй — 10 рублей, третий и последующий — 15 рублей. За неуплату ставили на «правех» школьника или его холопа. За побег из школы полагалась смертная казнь, а родным за одно только ходатайство перед государем «об отбывательстве их питомцев от школы» — каторжная работа³².

Первые выпускники вышли из школы в 1703 г. Тогда же было дано распоряжение направить в Воронеж «ради учения матросов из числа лучших учеников двух человек»³³.

Весной этого же года молодые учителя прибыли к месту назначения. «Арифметического учения ученики Афанасий Побегайлов и Петр Фролов посланы в мае, во 2 числе, и каменные доски и иные принадлежности и припасы ко учению по их скаске куплены и посланы с ними»³⁴.

К этому времени строительство военного флота в Воронеже приняло широкий размах, и очень скоро стала ощущаться острая нехватка самых разных специалистов корабельного дела: мастеровых людей, матросов, младших командиров. «Великую нужду имею в офицерах», — писал из Воронежа в Москву адмирал Ф.М. Апраксин. Эти обстоятельства, а также видимо личное распоряжение царя заставили Апраксина весной 1703 г. открыть в Воронеже школу, «предназначенную преимущественно для приготовления содержателей по разным частям», т.е. главным образом для подготовки различных специалистов-кораблестроителей³⁵.

Эта и подобные ей школы в официальных документах того времени назывались «русскими». Основные предметы в таких школах — чтение, письмо и счет — преподавались на русском языке. Этим названием их отличали от «разноязычных», «немецких», «латинских» школ того времени, в которых главными предметами обучения были иностранные языки. Термин «адмиралтейская школа» появился после специального указа Петра I от 29 ноября 1718 г. об учреждении адмиралтейских школ. Затем это требование было подтверждено «Адмиралтейским регламентом» (1722).

По школьному учебное заведение, открытое в Воронеже в 1703 г., относится к типу «русских школ», а после 1718 г. уже значится как «адмиралтейская школа», мы решили объединить эти наименования в одно и назвать ее — адмиралтейская «русская школа». Это не противоречит истине и соответствует общепринятой классификации*.

Есть все основания считать, что первая в стране «русская школа», причем с углубленной общеобразовательной подготовкой, была основана в Воронеже в мае 1703 г. В июне этого года адмирал Ф.М. Апраксин докладывал царю, что 90 молодых драгун (крестьян-новобранцев) успешно обучаются арифметике, и по окончании учения он планирует отдать их по «делам», т.е. для овладения конкретной профессией. «А более нужно констапелей (младший офицерский чин в морской артиллерии. — Ю.П.), отдам их учить поручикам Бергману и Отто, по 12 человек, також де и другим, где пристойно»^{36 **}.

Школа являлась государственным учебным заведением. Ее учителя и ученики получали жалованье. Располагалась она на территории канатного двора: «да середних [учеников среднего возраста — Ю.П.] на Канатный двор — сто семь человек»^{37 ***}. Кроме учителей, присланных из Москвы, в школе преподавал местный житель, певчий архиерейского хора подъяк Семен Минин. Он был учителем «словесного учения». Как человек грамотный, Минин совмещал свою должность с работой переплетчика в воронежском Адмиралтействе. Известно, что в 1710 г. он получал учительское жалованье — 12 руб. в год. Для сравнения укажем, что в том же 1710 г. толмач (переводчик) голландского языка Ян Удендал получил 36 руб., а заплочный мастер (палач) — 10 руб.³⁸.

6 мая 1703 г. вместе с учителями Побегайловым и Фроловым из Москвы в Воронеж было отправлено значительное количество «печатных книг, которые куплены для учения мастеровым людям, которые на Воронеже у корабельного дела»^{****}. По этим книгам можно определить примерную программу обучения в школе. «Да печатных книг, которые куплены по указанной цене для учения мастеровым людям, сорок девять букварей на словенском и на латинском языке по шеснатцати по четыре деньга букварь, триста азбук по три деньга азбука, восемьдесят восемь Псалтырей в полдесть по двацати по три алтына по две деньга Псалтырь, сорок две Псалтыри в полдесть по шеснатцати алтын по четыре деньга Псалтырь, сто Часословов по десяти алтын Часослов, сорок восемь арифметиков в десть по два рубли по осьми алтын по две деньга арифметик»³⁹.

48 учебников арифметики, один экземпляр которой стоил целых два рубля 8 алтын, являлись только что вышедшими из печати книгами Леонтия Магницкого, который преподавал математику в Московской школе навигацких наук. По тем време-

* В коллективной монографии «Очерки истории профессионально-технического образования в СССР» (М., 1981) воронежская школа 1703 г. названа малой адмиралтейской школой. «...нужны были рабочие, умеющие строить и оснащать корабли, корабельные специалисты, для подготовки которых не требовалось столь значительного образования. Поэтому уже в 1703 г. в Воронеже при судостроительной верфи по распоряжению Петра I была открыта малая адмиралтейская школа, имевшая целью подготовить грамотных и умелых мастеров-кораблестроителей» (с. 27).

** Документ опубликован С.И. Елагиним в работе «История русского флота. Азовский период». Воронежский историк В.П. Загоровский, не имея других сведений относительно школы 1703 г., остановился на данном эпизоде и констатировал, что школа являлась временным учебным заведением и решала конкретную насущную задачу: готовила младших офицеров флота. Дальнейшие исследования опровергли это утверждение.

*** Канатный двор располагался в начале современной ул. Володарского, в районе СОШ № 11.

**** В письме 1703 г. четко обозначен контингент школы — «мастеровые люди, которые в Воронеже у корабельного дела», но не младшие офицеры флота, подготовка которых носила разовый характер.

нам этот учебник был настоящей энциклопедией математических знаний. В нем содержались сведения для практического применения в алгебре, геометрии, астрономии, геодезии, навигации. Дорогой учебник использовался обычно как пособие для учителей, но, судя по количеству экземпляров (48), он выдавался для занятий и ученикам. Конечно, в воронежской школе изучали не только четыре действия арифметики. Мастерам нужно было знать квадратные и кубические меры, вычисление площадей, объемов и многое другое, что необходимо при строительстве и оборудовании корабля.

Итак, о содержании обучения в воронежской «русской школе» можно судить по посланным туда книгам: русский букварь, латинский букварь, Псалтирь, Часослов, арифметика и уже упомянутые «каменные» или грифельные доски для обучения письму.

Отсюда видно, что эта школа была общеобразовательной, но имела свои специальные задачи, а именно: готовить различных специалистов для воронежских и других верфей и гарнизонов. Контингент учащихся школы состоял в основном из «мастеровых людей». И если учесть, что многие профессии передавались от старших поколений к младшим, то и профессия корабельного мастера становилась наследственной. Это давало право учиться в подобных школах детям «мастеровых людей». П. Парибок в статье «“Русские школы” при Петре I» приводит данные по С.-Петербургской «русской школе», открытой в 1717 г., и отмечает, что «школа пользовалась популярностью среди того сословия, для которого предназначалась. Не было необходимости принуждать мастеровой люд к обучению детей, рабочие государственных военно-морских верфей охотно отдавали своих детей и братьев в “русскую школу”, не проявляя предрассудков, преубеждений и опасений, столь свойственных в то время дворянскому сословию в лице его наиболее обеспеченных и знатных представителей. О тяге к знаниям со стороны детей “мастеровых людей” говорит и то, что в школу “сверх присланной росписи явились мастеровых людей дети (27 человек)”⁴⁰.

Вероятно, и воронежские мастеровые охотнее отдавали своих детей в «русскую школу». Так, в ведомости о составе учащихся еще одной воронежской школы (цифирной) графа «О присылке детей каменщицбых, кузнецких и плотницких» с 1716 по 1726 г. оставалось незаполненной⁴¹.

В 1705 г. по распоряжению Петра I на левом берегу реки Воронеж была заложена Тавровская крепость, а в 1709 г. сюда перенесли главную корабельную верфь. В эти годы «русскую школу» из Воронежа перевели в Тавров, где она по-прежнему готовила профессиональные кадры для российского флота. Здесь уместно напомнить, что некоторые исследователи, писавшие о воронежской школе в 1703 г., называли ее Тавровской и полагали, что она была открыта именно в этой крепости. Объяснить эту ошибку можно следующим образом. Во второй половине XVIII в. историк-любитель И.И. Голиков создал многотомный труд «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные по годам». В нем автор допускает ошибку и упоминает Тавровскую крепость как уже существующую в 1703 г. Доверяя И.И. Голикову, ошибку повторяет Е.А. Болховитинов в известной работе «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии», тоже делает А.С. Пушкин в «Истории Петра Великого», а затем и другие. Например, советский историк П.М. Парибок пишет: «В 1703 г., в бытность свою в Воронеже, Петр I предпринял ряд мер по реорганизации воронежских верфей. Адмиралтейство из Воронежа было перенесено к устью речки Тавровки... В Таврове же, в непосредственной близости от верфей и мастерских в 1703 г. Петром была основана первая в стране “русская школа”»⁴². Действительно, если Тавровская верфь существовала в 1703 г., то школа должна открыться именно там. Но, как было сказано выше, только в 1705 г. Ф.М. Апраксин заложил Тавровскую крепость и верфь. Кораблестроение постепенно перемещалось из Воронежа в Тавров, и, видимо, после 1706 г. «русская школа» также перебралась в новую крепость.

Экспозиция зала № 3

Выпускники воронежской школы направлялись во все точки России, где строились корабли. Но главным образом они обслуживали огромную Азовскую губернию. Например, в 1705 г. 6 человек были направлены в Троицкую крепость, которая находилась на берегу Азовского моря близ Таганрога. В документе читаем: «Лета 1705 года июля в 4 день по указу Великого Государя артиллерийскому поручику Шперитеру сего числа по его Великого Государя указу присланы в Троицкой с Воронежа из Приказа Адмиралтейских дел математические ученики, которым велено быть для учения бомбардирного дела, 6 человек, а с ними прислано артиллерийских припасов, которым быть в Троицком в гарнизонах, а кто именно математические ученики и что чего с ними прислано, тому роспись ниже сего и тебе по росписи тех математических учеников принять»⁴³.

В данном случае из Воронежа прибыли инструкторы артиллерийского дела, которые и должны были обучать солдат-бомбардиров.

В 1711 г. в результате неудачного Прутского похода Россия обязалась прекратить строительство кораблей в Воронежском крае. В следующем году из Воронежа в Москву и Петербург уехали русские и иностранные мастера-судостроители, в том числе Анисим Моляров с пятью учениками. Тавровская «русская школа» при пустующих верфях утратила свое значение и, вероятно, была закрыта.

Северная война и интенсивное строительство флота на Балтийском море вновь поставили вопрос о «русских школах», обучавших грамоте будущих корабельных мастеров.

29 ноября 1718 г. был дан именной указ Петра I: «Плотничьих, матроских, кузнечных и прочих мастеров всех записных учить русской грамоте и цифири».

На этом основании 1 марта 1719 г. генерал-майор И. М. Головин дал указ в канцелярию военного флота:

«По именованному его царского величества указу велено плотничьих, матроских, кузнечных и прочих мастерств мастеровых людей детей братьев и свойственников их учить русской грамоте и цифири, которые явятся ниже шестнадцати лет»⁴⁴.

К этому времени уже работала С.-Петербургская «русская школа». В Ревеле была открыта школа для «обучения навигации, словенскому и писать». Аналогичная школа существовала в Кронштадте.

В 1722 г. Петр I, возвращаясь из Персидского похода, заехал в Воронеж. Здесь он отдал распоряжение возобновить строительство в Таврове боевых кораблей. В этом же году выходит «Регламент морской» — основной закон русского военного флота. Этот документ придавал большое значение «русским школам». В частности, там говорилось: «Плотничьих и прочих мастеровых людей детей надлежит обучать грамоте, цифири и плат геометрии, дабы потом могли добрыми мастеровыми быть. Для чего особливую школу иметь»⁴⁵. Открываются новые школы, им уделяется повышенное внимание. В 1725 г. в донесении Воинской морской комиссии сказано: «По регламенту адмиралтейскому... школы... на адмиралтейских заводах учинены, на адмиралтейских мастеровых и протчих нижних чинов в 1725 году дети переписаны. И которые впред с того времени прибыли и прибудут, о тех велено объявлять при командах и определяются в школы на 5 лет. Ныне оных обретаеця: 1) в Петербурге — 211; 2) в Кронштадте — 87; 3) в Ревеле — 53; 4) в Казани — 70; 5) в Астрахани — 17; 6) в Таврове — 160; 7) на Сестрорецких заводах — 47»⁴⁶.

В 1723 г. на Тавровской верфи возобновилось строительство флота, и уже к лету 1724 г. было построено 30 крупных и 59 малых судов.

По вышеприведенным данным, Тавровская «русская школа» в 1725 г. насчитывала 160 учеников и была самой крупной в России, так как в аналогичных четырех с.-петербургских школах было в общей сложности 211 учащихся.

Сохранилось донесение капитана 3 ранга Росселиуса, который с апреля 1725 г. руководил Воронежским адмиралтейством, управляющему галерным флотом и члену Адмиралтейств — коллегии вице-адмиралу М.Х. Змаевичу. Здесь, в частности, говорится о Тавровской школе: «Сего апреля 18 дня набрано при Таврове морских и адмиралтейских служителей детей в школу для учения грамоте и писать 67 человек, в том числе сирот из которых отцы померли и пропитания иметь им не от чего 12 человек, да возрастных которые приспели уже в службу 9 чел. На что вашему превосходительству доношу дабы означенным сиротам повелено было для пропитания давать провиант из оставшего при госпитале хотя по малому числу покаместь возмиеют возраст и определятся в службу, а ежели их не кормить то они от голоду разбредутся и собрать их будет впредь в службу невозможно...». Датирован документ 29 апреля 1725 года⁴⁷.

Только что набранные ученики Тавровской школы начинали обучение с букваря. Затем следовали Часослов, Псалтырь, письмо, арифметика и геометрия. Трудно было найти учителя арифметики, поэтому точные науки часто выпадали из установленной программы обучения. По «мере выучки» учащиеся переходили «из науки в науку», то есть применялась предметная, а не классная система обучения. Школьную программу проходили в течение 2–6 лет, а чаще всего за 3–4 года. Кроме этого, ребят обучали различным мастерствам и морскому делу. Порядок содержания в адмиралтейских школах мало чем отличался от гарнизонных школ. Был установлена форма одежды: кафтан сермяжный с «красными абшлагги», штаны козлиные или канифасные, башмаки или пара сапог, серые чулки, галстук, две рубашки с «порты», колпак из красного сукна⁴⁸. Конечно, ученики адмиралтейских школ не получали новое обмундирование. Они донашивали, как правило, форму, уже бывшую в употреблении.

Кораблестроительные работы в Таврове продолжались до 1740 г., а местное адмиралтейство официально упразднили осенью 1741 г. Последнее известное документальное упоминание о местной школе встречается в «ревизских сказках» по Тавровской крепости 1745 г. Тогда в ней учились дети в возрасте от 7 до 13 лет⁴⁹.

Окончившие адмиралтейские школы определялись на верфи для работы по строительству и ремонту кораблей. Лучшие выпускники могли продолжать образование в особых классах Морской академии, где учились дети разночинцев.

Адмиралтейские школы открывались на протяжении всего столетия. К концу XVIII в. в 13 школах насчитывалось более 1000 учащихся. В основном это были дети мастеровых и городских ремесленников⁵⁰.

«Русские» и адмиралтейские школы являли собой новый тип учебного заведения. Правительство Петра I не имело опыта устройства обучения на государственном уровне, не знало какой-либо педагогической теории, разработанной применительно к отечественным условиям. Не было единого государственного органа, который бы руководил образованием. Школы возникали и закрывались без какого-либо общего плана. Они носили профессиональный характер, перед ними ставились ограниченные, утилитарные задачи. Тем не менее, школы создавались не бездумно, они обеспечивали подготовленными людьми самые важные участки реформируемого государства.

ЦИФРНАЯ ИЛИ АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Начальный период реформ Петра I в области просвещения был характерен пристальным вниманием царя к подготовке технических специалистов, открытию профессиональных школ. Но в дальнейшем Петр несколько пересмотрел свое отношение к образованию и стал склоняться к мысли о необходимости «размножить науки в империи». Возникла идея устройства академии наук, а также университета и гимназии⁶¹. При Петре эта система не была создана, но первые шаги по утверждению в России общеобразовательных учебных заведений царь сделал. Он предложил порядок создания сети цифирных или арифметических школ, которые получили свое наименование по преобладанию в программе обучения математических наук — арифметики и геометрии.

Кроме того, школы должны были готовить юношей для дальнейшей военной и гражданской службы. Организация учебных заведений проводилась через Военную, Адмиралтейскую и другие коллегии, магистраты, а также церковь, в распоряжении которой были помещения и учителя.

28 февраля 1714 г. Петр I издал указ об открытии во всех губерниях школ, где предписывалось «дворянских и приказного чина, дьячих и подъяческих детей от 10 до 15 лет, oprичь однодворцев, учить цифири и некоторую часть геометрии»⁶².

Вскоре к обучению в цифирных школах решили привлечь детей духовенства и купечества. Принимать детей крепостных крестьян запрещалось.

Школы должны были размещаться в монастырях и архиерейских домах.

Для преподавания приглашались воспитанники Московской школы математических и навигацких наук и Морской академии. Им согласно указу была положена плата «кормовых по 3 алтына и по 2 деньги на день из губернских доходов». Обучение предполагалось бесплатное, но по окончании школы каждый юноша должен был заплатить учителю рубль. Последний выдавал выпускнику письменное свидетельство за своею подписью. Без этого документа «жениться их не допускать и вечных памятей не давать».

Цифирные школы состояли в ведомстве Адмиралтейств-коллегии, а в городах за их устройством было поручено смотреть местным воеводам. «О Академиях же, школах и госпиталях надлежащее попечение иметь», — было сказано в «Инструкции, или Наказе воеводам»⁶³.

Но ни в 1714-м, ни в следующем году цифирные школы так и не были открыты, хотя 28 декабря 1715 г. было указано Федору Матвеевичу Апраксину: «Взять из школы Господина Адмирала таких, которые географию и геометрию выучили, и послать в всякую Губернию по два человека, для науки молодых ребят из всяких чинов людей»⁶⁴.

Наконец, 18 января 1716 г. выходит еще один указ: «О посылке в Губернии по два учителя для обучения детей арифметике и геометрии». Только после этого указа в 1716 г. в России открываются первые 13 цифирных школ, в том числе и в Воронеже⁶⁵ *.

* Кроме Воронежа, первые школы были открыты в Москве, Казани, Смоленске, Нижнем Новгороде, Белгороде, Курске, Тоболе, Вологде, Ярославле, Тамбове, Новгороде, Архангельске.

В том же году в Воронеж для «учения детей» прибыли два выпускника Московской школы математических и навигацких наук Михайло Уфимов* и Игнатий Ярославцев. Но, видимо, учеников было мало, и поэтому Ярославцев отбыл в Тамбов, где возглавил местную цифирную школу, а Уфимов остался учительствовать в нашем городе.

Как и Воронежская «русская школа», цифирная размещалась на канатном дворе⁶⁶, который голландский путешественник Корнелий де Бруин отметил как «большое канатное заведение». По сведениям историка Е.А. Болховитинова, завод находился «близ старых московских ворот»⁶⁷.

Трудно судить о методах преподавания в тогдашней школе. Классно-урочной системы не существовало, каждый учитель по собственному разумению преподносил знания по какой-либо книге или своим записям. Ученики были различного возраста, и каждый из них занимался индивидуально. Например, в одной из цифирных школ 32 школьника учились: «по арифметике, нумерации — 11, адииции — 5, субстракции — 1, мультотпликации — 3, дивизии — 5, тройному — 3, десятичным дробям — 2, геометрии, циркульным приемам — 1, тригонометрии плоской, тангенсам — 1 (адияция — это сложение, субстракция — вычитание, мультотпликация — умножение, дивизия — деление)»⁶⁸.

Учиться было трудно. Занятия длились 8-9 часов, каникулы были короткими — на Рождество и на один летний месяц. Применялись жестокие дисциплинарные меры, воспитание было основано на рекомендациях букварей и азбук XVII — начала XVIII в.: «Казни сына своего от юности его...», «Розга ум острит и память возбуждает...», «Целуйте розгу, бич и жезл лобзайте».

Трудным было и материальное положение школ. Деньги на их содержание отпускали небольшие, и поступали они нерегулярно. Ученики убегали, их ловили и наказывали. Доставалось и родителям, укрывавшим беглецов. Так, в августе 1719 г. из Воронежской губернской канцелярии в Валуйки был послан царский указ, повелевавший немедленно разыскать и отправить с провожатыми в Воронеж «чугуевских церковников Василия да Федота Родионовых, детей Поповых, которые из Воронежа бежали от учения математической школы». Приказ был строг: «А буде в сыску не явитца, сыскав отца их или кто в доме явитца, потому ж прислать на Воронеж за провожатыми, а которого числами с кем посланы будут, о том в губернскую канцелярию писать». В ответ на это валуйский воевода Никита Яснев сообщил в сентябре в губернскую канцелярию, что «вышеозначенных чугуевских церковников в сыску не явилось и в доме их не сыскано»⁶⁹.

Представители различных сословий просили царя об освобождении от повинности учить сыновей в цифирных школах. В 1716 г. от обязательного обучения в школах освобождаются дети дворян. В 1720 г. в Сенат подается челобитная от посадских людей, «что де в помянутые школы принуждают их высылкой детей и держат из них многих в тюрьмах и за караулом». Детям купцов также предоставляется право учиться по желанию родителей.

В 1722 г. в связи с организацией архиерейских школ Сенат указывает обучать там детей духовенства. Таким образом, практически все сословия (за исключением разночинцев) освобождаются от обязательного обучения в цифирных школах⁷⁰.

Петр I помнил об этих учебных заведениях. В 1723 г. он заслушал в Адмиралтейской коллегии докладную записку о цифирных школах и повелел Сенату определить, «где помянутым школам в ведении быть». Но Сенат на распоряжение царя не откликнулся и указа не издал.

В 1726 г. вдова Петра, императрица Екатерина I, вернулась к этому вопросу и 31 ок-

* В подлинном архивном документе фамилия читается как Угримов, в опубликованном источнике (см. ссылку) — Уфимов.

метрии на заседании Верховного тайного совета определила дальнейшую судьбу арифметических школ. Ей представили донесение, в котором подводились итоги деятельности таковых школ с 1716 по 1726 г. В частности, там говорилось: «...а и ныне в других провинциях в тех школах учеников обретается малое число, в которых и учителям быть не у чего. А сколько в губерниях и провинциях ныне тех школ имеется и в них учителей, что с начала того учения в присылках [прислано. — Ю.П.] было к ним учеников и из того выучено и ныне обретается, и с которых провинций учителя прибыли, о том прилагается ведение при сем доношении». Этот интересный документ называется «Ведение о состоянии учиненных школ в губерниях и провинциях для учения дьячих и подьяческих и церковниковых и монастырских слуг детей цифири и геометрии». Подписан он 16 сентября 1726 г.

Здесь можно проследить десятилетнюю историю и Воронежской цифирной школы, которая, напомним, была открыта в 1716 г. За эти годы в Воронеж было прислано: приказного чина детей — 40, «церковниковых» — 151, солдатских, драгунских, казачьих, пушкарских — 6. Итого 197 человек. Дети боярские, дворянские, монастырских слуг, каменщиков, кузнецких и плотницких, а также посадских людей в Воронежской школе не обучались или же покинули ее. О чем далее и сообщается:

«Посадские и чиновничьи отбыли — 104 чел., бежали и в дома отпущены и не явились — 20. За непонятие наук отпущено — 12. Умерших, убогих и в учение негодных — нет. В канцелярии и в солдаты взятых — нет, в архиерейскую школу взятых — нет. А успешно выучено и отпущено — 58 учеников»⁷¹.

В 1726 г. школа в Воронеже продолжала существовать, обучались в ней лишь три человека. Об этом упоминает русский ученый и географ И.К. Кирилов в книге «Цветущее состояние Всероссийского государства»: «В сем городе имеется школа для обучения разных чинов людей детей, кроме шляхетства, цифири и геометрии»⁷².

Итак, 31 октября 1726 г. Екатерина I указывает соединить в губерниях и провинциях арифметические школы с семинариями и школами архиерейскими. Они передаются на содержание Синоду по представлению Адмиралтейской коллегии, которая пыталась сохранить математическое обучение. Но церковь не посчиталась с мнением светских властей и откестилась от ненужных ей школ, мотивируя отказ тем, что будущие священники должны изучать Слово Божье, а не цифирь и геометрию. Математические школы снова оказались беспризорными, пока в 1731 г. их опять не передали в управление Адмиралтейств-коллегии.

В 1744 г. вышел указ Сената «О соединении в губерниях и провинциях арифметических и гарнизонных школ в одно место». Воронежская солдатская школа к тому времени уже существовала, и если цифирная еще была в городе, то она, конечно, слилась с гарнизонной⁷³.

Цифирные школы не смогли стать основным типом общеобразовательного учебного заведения в России. Они были плохо организованы и практически не финансировались. Дворяне стремились учить своих детей дома или в столичных профессиональных учебных заведениях, что давало возможность быстрого карьерного роста в гражданской или военной службе. Но чаще всего дворянских сынов вообще нельзя было заставить учиться. Церковь, вытесненная Петром I из многих сфер государственной жизни, стремилась организовать свою духовную сословную школу. Для посадских жителей школы были также неудобны. Они находились далеко от торговых центров, и детей отпускать туда не хотели. Можно назвать и другие причины, лежащие на поверхности, но главная причина была одна и находилась в глубине народного сознания. Население воспринимало обучение в цифирных и других школах как тяжелую повинность, равнозначную солдатчине или кабале. Глухой ропот недовольства петровскими реформами, в частности, нашел свое отражение в отношении русских людей к петровской школе.

Тем не менее, сеть цифирных школ была относительно разветвленной. Они явля-

лись первыми светскими государственными учебными заведениями, где преподавались арифметика, начала геометрии и география. В 1716–1726 гг. в цифирные школы направили 2050 мальчиков, из числа которых выбыли по разным причинам, не начав обучения, — 1544, продолжали учиться — 507, окончили полный курс — 302^{74*}.

ССЫЛКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ См.: Глазьев В.Н. Первые грамотные люди // Воронежский курьер. — 2007. — 10 марта. — С. 4.
- ² Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века: Документы и материалы по истории края. — Воронеж, 1976. — С. 76.
- ³ Там же. С. 78.
- ⁴ Там же. С. 94.
- ⁵ См.: Глазьев В.Н. Там же.
- ⁶ Прокопович Феофан. Соч. — М., Л., 1961. — С. 135–136.
- ⁷ См.: Глазьев В.Н. Там же.
- ⁸ См.: Миропольский С. И. Очерк истории церковно-приходской школы от ее возникновения на Руси до настоящего времени. — М., 2006 — С. 234.
- ⁹ Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 1. — Воронеж, 1902. — С. 10.
- ¹⁰ См.: Аббасов А. Житие митрополита Евгения. — Воронеж, 1996. — С. 8.
- ¹¹ Труды Воронежской Ученой Архивной Комиссии. — С. 20.
- ¹² Воронежские Епархиальные ведомости. — 1891. — № 5. — 1 марта.
- ¹³ Миропольский С. И. Там же. С. 229.
- ¹⁴ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры в 3 частях. Ч.2. — СПб., 1902. — С. 301–302.
- ¹⁵ Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. 2. (1702–1703). — СПб., 1889. — С. 108.
- ¹⁶ См.: Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып. VIII / Сост. Л.Б. Вейнберг. — Воронеж, 1886. — С. 633–634.
- ¹⁷ Материалы по истории сл. Ендовище. Рукопись. Сост. свящ. Милоградский. — Ок. 1900.
- ¹⁸ Костомаров Н.И. Царевич Алексей Петрович // Исторические монографии и исследования в двух книгах. Книга первая. — М., 1990. — С. 131–132.
- ¹⁹ Шницер Я.Б. Иллюстрированная всеобщая истории письмен. — СПб., 1903. — С. 233.
- ²⁰ Там же. — С. 236–238.
- ²¹ Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии // Воронежский край XVIII века в описаниях современников. — Воронеж, 1992. — С. 97.
- ²² Цит. по: Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого. Т.8. — М., 1792. — С. 226.
- ²³ См.: Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. — М., 1996. — С. 77.
- ²⁴ Цит. по: Голиков И.И. Там же. С. 225–226.
- ²⁵ Милюков П.Н. Очерки истории русской культуры. Ч. 2. — СПб., 1902. — С. 306–307.
- ²⁶ См.: Загорский В.П. Воронеж: историческая хроника. — Воронеж, 1989. — С. 46.
- ²⁷ Цит. по: Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII века. — М., 1987. — С. 42.
- ²⁸ Цит. по: Елагин С. История русского флота. — СПб., 1864. — С. 240.
- ²⁹ Цит. по: Пекарский П.П. Наука и литература России при Петре Великом. Т.1. — СПб., 1862. — С. 141.
- ³⁰ См.: Флеровская А.А. Навигацкая школа // Вопросы истории. — 1973. — №10. — С.218.
- ³¹ См.: Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в России. — М., 1979. — С. 7.
- ³² См.: Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. / Сост. С.А. Князьков и Н.И. Сербов. Под ред. С.В. Рождественского. — М., 1910. — С. 39, 40.
- ³³ Цит. по: Голубцова М.А. Московская школа Петровской эпохи // Москва в ее прошлом и настоящем. — М., 1909. — Вып. 7. — Ч. 4. — С. 45.
- ³⁴ Цит. по: Парибок П.М. «Русские школы» при Петре I // Советская педагогика. — 1945. — №1–2. — С. 37.

* Сведения относятся к 25 непрерывно действовавшим в течение 1716–1726 гг. школам. Всего в России в этот период было открыто 42 цифирные школы.

- ³⁵ Цит. по: Веселовский Г.М. Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении. — Воронеж, 1866. — С. 73.
- ³⁶ Цит. по: Кретьова О.К. Русский город Воронеж. — Воронеж, 1986. — С. 36.
- ³⁷ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее РГА ВМФ), ф. 177, оп. 1, д. 32, л. 224.
- ³⁸ См.: Веселовский Г.М. Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении. — С. 73, 81.
- ³⁹ РГАВМФ, ф.177, оп. 1, д. 32, л. 226, 226 об.
- ⁴⁰ Парибок П.М. Указ. соч. С. 39.
- ⁴¹ Сборник императорского русского исторического общества. — СПб., 1887. — Т. 56. — С. 320–321.
- ⁴² См.: Парибок П.М. Указ. соч. С. 37.
- ⁴³ Государственный архив Воронежской области (далее — ГАВО), ф. И-171, оп. 2, д. 40, л. 2.
- ⁴⁴ РГАВМФ. Дело адмиралтейской канцелярии. № 100 (258), 1719 г., л. 171.
- ⁴⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). — СПб., 1830. — Т. VI. — № 3937.
- ⁴⁶ Цит. по: Парибок П.М. Указ. соч. С. 41.
- ⁴⁷ Цит. по: Расторгуев В.И. Судостроение на верфях Воронежского края в 1723–1741 гг. — Воронеж, 2001. — С. 113.
- ⁴⁸ См.: Парибок П.М. Указ. соч. С. 41.
- ⁴⁹ См.: Комолов Н.А. Адмиралтейская школа // Калейдоскоп Воронежской истории. — Воронеж, 2008. — С. 128.
- ⁵⁰ См.: Буров А.А. Петербургские «русские школы» и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII в. — Л., 1957. — С. 12–13.
- ⁵¹ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. — первая половина XIX в. — М., 1973. — С. 22.
- ⁵² См.: Акиньшин А.Н. Павловск // Воронежская энциклопедия. — Воронеж, 2008. — С. 69.
- ⁵³ См.: Комолов Н.А. Павловская верфь // Воронежская энциклопедия. — Воронеж, 2008. — С. 69.
- ⁵⁴ ЦГИКА Украины. ф. 1638, оп. 2, д. 46, л. 2 об., 3.
- ⁵⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 349, оп. 29, д. 10.
- ⁵⁶ РГВИА. Ф. 349, оп. 29, д. 9.
- ⁵⁷ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. — первая половина XIX в. — С. 50–51.
- ⁵⁸ См.: История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. — Воронеж, 1987. — С. 81–82.
- ⁵⁹ РГВИА. Ф. 349, оп. 29, д. 16.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф. 349, оп. 29, д. 18.
- ⁶¹ См.: Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / Сост. С.А. Князьков и Н.И. Сербов. Под ред. С.В. Рождественского. — М., 1910. — С. 57.
- ⁶² ПСЗРИ. Т. V. № 2778.
- ⁶³ Там же. № 3294.
- ⁶⁴ Там же. № 2971.
- ⁶⁵ Там же. № 2979.
- ⁶⁶ Сборник императорского русского исторического общества. — СПб., 1887. — Т. 56. — С. 320.
- ⁶⁷ Бруин К., де. Путешествия в Московию // Воронежский край XVIII века в описаниях современников. — Воронеж, 1992. — С. 20; Болховитинов Е. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии // Там же. — С. 232.
- ⁶⁸ Пекарский П.П. Указ. соч. С. 117.
- ⁶⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 406, оп. 1, д. 1284, л. 1.
- ⁷⁰ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII в. — первая половина XIX в. — М., 1973. — С. 29.
- ⁷¹ Сборник императорского русского исторического общества. — С. 316–321.
- ⁷² Кирилов И. Цветущее состояние Всероссийского государства // Воронежский край XVIII века в описаниях современников. — Воронеж, 1992. — С. 41.
- ⁷³ ПСЗРИ. Т. XII. № 9054.
- ⁷⁴ См.: Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. — С. 29.